

“Большой проект” Г.А. Зюганова с точки зрения марксиста (О “Манифесте НПСР”)

В.А. Вазюлин¹

То, что знакомо, не значит, что оно познано

Многие коммунисты не считают Г.А. Зюганова коммунистом, полагают, что он социал-демократ или, быть может, кто-то еще. Чтобы действительно разобраться в этом вопросе, необходимо подойти к нему не с точки зрения обыденного сознания и эмоций, а подвергнуть взгляды лидера КПРФ и НПСР **теоретическому** анализу. В предлагаемой вниманию читателя статье мы попытаемся именно так рассмотреть “Большой проект”, представленный Г.А. Зюгановым в “Манифесте НПСР”.

Стратегия подлинно коммунистического движения необходимо предполагает вполне определенную теорию и метод. Если нет марксистской теории и метода, то не может быть ни подлинно коммунистической стратегии, ни подлинно коммунистического движения.

Марксизм как мировоззрение, теория и метод по самой своей сути есть развивающееся образование. Застывший, догматизированный марксизм – это уже не марксизм, а нечто противоположное ему, противоположная ему идеология², по букве марксистская, а по духу антимарксистская.

Соответственно развивается и конечная, стратегическая цель подлинно коммунистического движения. Оставаясь в общем той же самой, она уточняется, конкретизируется, развиваются ее содержание и форма, ее обоснование и т.д.

По сравнению с эпохой, в которую жили и действовали К. Маркс и Ф. Энгельс, и даже по сравнению с эпохой, на которую пришлась жизнь и деятельность В.И. Ленина, в истории человечества произошли существенные изменения. Сообразно этому и марксизм нуждается в существенном развитии. Сказанное отнюдь не означает, что марксизм принадлежит только прошлому, как утверждают его открытые и скрытые враги.

Лидер наиболее крупной коммунистической партии на территории бывшего СССР Г.А. Зюганов не раз говорил о необходимости трактовать марксизм в соответствии с изменившимися, современными условиями в мире, и в частности в России.

На самом деле его трактовка марксизма есть не что иное – или, если сказать помягче, скорее есть не что иное, как простое отрицание марксизма и замена его другой идеологией.

В последнее время это проявилось более отчетливо, чем когда-либо ранее. В докладе Второму съезду НПСР, носящем очень обязывающее, эпохальное название “Манифест НПСР”, Г.А. Зюганов, на наш взгляд, впервые так концентрированно высказал свое понимание стратегических целей НПСР. Притом таким образом, что остались лишь цели НПСР, а особые стратегические цели (или стратегическая цель), которые должны быть присущи Коммунистической партии, отсутствуют совершенно. Если не обозначается особенность стратегической цели Коммунистической партии по отношению к стратегическим целям НПСР, то фактически стратегическая цель Коммунистической партии отождествляется со стратегическими целями НПСР, а сама Коммунистическая партия является не ведущей силой, а придатком НПСР.

Стратегические цели НПСР Г.А. Зюганов обозначил как “Большой проект”.

В этом проекте имеется в виду, главным образом, если не исключительно, Россия. Изложение проекта разделено на четыре раздела: история России; Россия и остальной мир; отношения народов и языков внутри России; смысл жизни российского народа.

Оставив другим разрабатывать детали, Г.А. Зюганов берет на себя тяжесть определения “*главных мировоззренческих контуров*, которые в современном воплощении содержат... “Русскую идею” – *тысячелетнюю мечту, рожденную не прихотью отдельного ума, не откровением проповедника-одиночки, а коллективным опытом нашего народа* (выделено Г.А. Зюгановым – В.В.), вопреки всем наветам творящего свою таинственную, неповторимую, трагическую и героическую историю”.

Итак, есть некая изначальная, предшествующая истории России “Русская идея”, которая затем воплощается в разные эпохи по-разному. Такое рассуждение К. Маркс называл спекулятивной конструкцией. Суть ее в том, что общее, например, понятие “плод”, являющееся на самом деле результатом отвлечения общих свойств от особенных конкретных плодов (яблони, груши, миндаля и т.д.), отрывается от особенного и отдельного, представляется в качестве изначального данного, конкретные же яблоки, груши и т.п. изображаются как реализации, воплощения понятия (идеи) “плод вообще”.

Таков ход мысли **идеалиста** (естественно, в философском, а не в житейском понимании этого слова). В представлении идеалиста идеи играют определяющую роль в истории. Откуда приходят эти идеи? От Бога, Мирового Разума, или, иначе говоря, даются Промыслом: “...*России Промыслом выделена особая роль, особая миссия...*” (Г.А. Зюганов).

¹ В.А. Вазюлин – доктор философских наук, профессор МГУ. Основатель и руководитель Международной логико-исторической школы.

² Под идеологией здесь понимается не превращенное, не извращенное сознание, а совокупность идей. Причем марксистская идеология (а именно о ней и идет речь), если она действительно марксистская, представляет собой совокупность **научно обоснованных** идей, в общем и целом верно отражающих действительность.

Причем в каждую эпоху “Русская идея” воплощается сознательным творчеством всего народа: “Не случайно Россия из века в век развивается от одного грандиозного проекта к другому”. Так как проект есть продукт сознательного творчества, и осуществление проекта – сознательная деятельность, то вся история России оказывается историей, построенной сознательно в соответствии с “Русской идеей”. Словом, мы имеем дело с тривиальным **идеалистическим пониманием истории**, которое было подвергнуто сокрушительной критике еще К. Марксом.

И эта идея, именно “Русская”, неповторимая, исключительная, не имеет ничего существенно общего, скажем, с идеей Английской, или Французской, или Немецкой. История России тоже абсолютно исключительная, таинственная, мистическая.

В интерпретации Г.А. Зюганова “Русская идея” является, кроме того, идеей государственной, политической (политика выступает у него, главным образом, как геополитика), нравственно-религиозной и национальной. Или, выражая эту мысль иначе, история России сводится к истории государства, политики (в свою очередь, практически сводимой к геополитике), к религиозно-нравственной истории и к истории формирования национального самосознания.

Выходит, что производительные силы и производственные отношения, диалектика которых, как доказали К. Маркс и Ф. Энгельс, служит настоящей основой всей протекшей человеческой истории, не имеют в истории Г.А. Зюганова ровно никакого значения. Вся история России основывается, согласно его представлению, на идее (государственной, нравственно-религиозной и национальной).

Какие же специфические, по его мнению, национальные проекты выдвигались в истории России?

В XIII-XIV веках национальный проект “был связан с преодолением вековой внутренней междоусобицы и губительной разобщенности. *Со свержением тяжкого иноземного ига*.”

В XV-XVI столетии сверхзадачей эпохи стало создание единого централизованного государства, теснейшим образом связанное с нравственно-религиозным постижением Высшего смысла народного бытия. С первыми попытками сформировать универсальный, воистину вселенский пафос Русской Идеи. С формированием глубинных, коренных основ нашего национального самосознания”.

Содержат ли эти два “национальных проекта” нечто сугубо исключительное, не имевшее места в истории других стран в эпоху феодализма (ибо названные века – века господства феодализма в России)? Любой человек, окончивший среднюю школу в эпоху социализма, обязан знать, что феодальные междоусобицы и образование единого централизованного государства – отнюдь не только русские, сугубо неповторимые явления; что религия была господствующей формой идеологии при феодализме, и поэтому нравственность неизбежно была религиозной; что с образованием единых централизованных государств формировалось и более или менее единое самосознание населения, проживающего на его территории; что каждое из образовавшихся и образовавшихся единых централизованных государств стремилось к захватам, и в этом смысле в каждом из них формировался “воистину вселенский пафос” то ли Английской идеи, то ли Французской...

Века XVIII и XIX – эпоха, по Зюганову, “геополитического становления России”, *установления российского контроля над евразийским “сердцем мира”*.

Захват возникшим единым централизованным Российским государством “евразийского “центра мира” рассматривается Г.А. Зюгановым как осуществление некоей предустановленной Промыслом будущей освободительной миссии России. Это не что иное, как иллюзия, переворачивание с ног на голову действительного положения вещей: цели, которые ставят себе последующие поколения людей, приписываются предшествующим поколениям, жившим и действовавшим в других объективных условиях и преследовавшим совсем другие цели. Такое переворачивание – характерная, более того, необходимая черта идеалистического понимания истории. В данном случае оно ведет к приукрашиванию, оправданию захватнической политики и Российского государства в целом, и участников завоеваний в XVIII-XIX веках. По сути, в данном случае мы имеем дело с **великодержавным шовинизмом** в рассмотрении истории России XVIII-XIX веков.

Говоря о “четвертом проекте”, Г.А. Зюганов называет его “грандиозным Советским проектом” и полагает, что в его основе “лежала неутолимая жажда справедливости, от века присущая нашему народу”.

Основой для выделения эпохи тут опять-таки служит признак государственной, политической власти: **“Советский проект”**. И не принимается во внимание весь общественно-экономический строй, вся общественно-экономическая система, как будто государственная, политическая власть витает в воздухе, а не соответствует определенному экономическому базису.

По Г.А. Зюганову, “Советский проект” имеет своей основой вечную идею справедливости или нравственную устремленность к ней, присущую “нашему народу”, то есть русскому народу. (А другим народам не присуща “жажда справедливости”?)

Второй раздел “Большого проекта” называется “Сердце мира” и содержит чистые благие пожелания, простые декларации.

Третий раздел – “Общий дом” – тоже наполнен благими пожеланиями и обещаниями сотрудничества, взаимодействия, дружной жизни, которую наладит НПСР во главе с Г.А. Зюгановым. Да вот только, как говорится, “гладко было на бумаге, да забыли про овраг, а по ним ходить”.

Овраг первый. В области национальных отношении Г.А. Зюганов обещает от лица НПСР восстановить справедливость и равноправие. С одной стороны. А с другой стороны, пишет о величии именно русского народа, его некоей особой миссии, вспоминает о чужеземном, татаро-монгольском иге, идеализирует становление единого централизованного государства и т.д.

В рамках такого подхода естественно пышно праздновать юбилей Куликовской битвы или взятие Иваном Грозным Казани. А как при такой реанимации прошлого должны чувствовать себя современные татары? Разве **такое** обращение к прошлому не задевает их национальной гордости? Тогда почему бы им не отмечать эти даты столь же пышно как дни национального траура?

О каком “общем доме” народов в таком случае можно говорить?

Позиция национальной русской **исключительности** есть **националистическая**, великодержавно-шовинистическая позиция, проявляющаяся в “Русской идее”, в особой миссии русского народа. Она несо-

вместима с декларациями о России как “общем доме” для разных народов и языков. Русофобству противопоставляется русский национализм, стремление законсервировать все русское только потому, что оно русское. Это уже консерватизм и, более того, реакционность, ведущие к национальной розни.

Только последовательное проведение в жизнь марксистской позиции позволяет преодолеть национальную рознь. Марксистский подход ясно выразил В.И. Ленин в учении о двух культурах в каждой нации¹.

Образ второй. Г.А. Зюганов провозглашает: “Мы станем всемерно оберегать традиции и обычаи всех без исключения народов России. Их права и достоинство, язык и вера будут надежно защищены законом и государством”. Он обещает, что власть НПСР будет направлена на “сохранение самобытности нашей цивилизации”.

Где же понимание того, что развитие человечества идет по пути образования мирового хозяйства, следовательно, по пути перемешивания разных народов и разных культур, по пути образования единой культуры человечества? Где понимание этой, в конечном счете, побеждающей мировой тенденции?

Где понимание не только того, что нельзя насильственно устранять традиции и обычаи любого народа, но и того, что не следует их искусственно консервировать и возрождать, если они противоречат развитию общества?

Националисты разного толка часто, если не всегда, не видят разницы между космополитами и интернационалистами. Идея мировой революции для националистов стала пугалом №1. Это связано с отсутствием у них классового подхода. С классовых позиций различие между космополитами и интернационалистами принципиальное: если первые – сторонники капиталистического “объединения”, сохраняющего внутри себя классовые антагонизмы, то вторые – сторонники объединения, в конечном счете, всего человечества путем устранения капитализма, устранения классов и классовых антагонизмов на основе развития взаимодействия производительных сил и производственных отношений.

Образ третий. Лидер НПСР выражает убеждение: “Неоценимую помощь может оказать нам Русская Православная Церковь. Возрождающаяся Церковь станет в нашем растерзанном смутой обществе одним из главных гарантов национального единства, защитником народных святынь и традиций, хранителем и проповедником вечных ценностей православной духовности и христианского патриотизма”.

Вместе с тем Г.А. Зюганов мечтает о “Небе на земле”, первая попытка осуществления которого была предпринята, по его мнению, в Советскую эпоху.

Во-первых, из сказанного следует, что главная роль в идеологии, в мировоззрении “растерзанного смутой общества” отводится религии, причем именно православию. Более того, ни о какой другой идеологии, которая могла бы скреплять национальное единство, речи нет.

По сути дела, Г.А. Зюганов выдвигает **вместо** коммунистической идеологии религиозную, именно православную.

Во-вторых, “ценности православной духовности и христианского патриотизма” Г.А. Зюганов, вслед за Православной Церковью, воспринимает в качестве вечных, то есть неизменных, сохраняющихся в любом, самом отдаленном будущем. Следовательно, надо полагать, он планирует господствующую роль религиозной идеологии на все будущее человечества.

В-третьих, социализм в СССР он квалифицирует как попытку практического осуществления “Неба” или “Рая” на земле. Если учитывать весь контекст доклада Г.А. Зюганова, то это не просто метафора. Представление о коммунизме как о “Небе” или “Рае” на земле – это представление коммунизма в качестве абсолютно идеального, абсолютно совершенного, а значит, неизменного состояния общества. Это метафизическое, иллюзорное, утопическое представление, прямо противоположное диалектическому, марксистскому пониманию коммунизма.

В-четвертых, реальное образование реального коммунистического общества несовместимо с религией не потому, что реальные коммунисты впадают в “безумие богоборчества” (Г.А. Зюганов), а потому, что создание реального коммунистического общества есть исчезновение земной основы, из которой вырастает и на которой держится религия.

Гениально, прекрасно писал молодой К. Маркс: “Человек – это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир. Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur², его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщее основание для утешения и оправдания. Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что *человеческая сущность* не обладает истинной действительностью...”

Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.

Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзии о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия³.

Г.А. Зюганов верно отмечает рост влияния религии в нашем российском обществе, но не понимает причин этой тенденции, экстраполируя ее на неопределенное будущее.

Между тем оживление религии обусловлено кризисом всего российского общества вообще и идеологии в том числе. Но кризис не вечен. Первая попытка создания подлинно человеческого общества потерпела поражение, история совершила своего рода зигзаг. Со всемирно-исторической точки зрения – это лишь временное отступление.

¹ Для тех, кто не учился в советской школе или учился в ней плохо: см. статью В.И. Ленина “О национальной гордости великороссов”.

² Вопрос чести (фр.)

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 1. - С. 414-415.

Рассмотрение “Большого проекта” Г.А. Зюганов заключает изложением своего и, надо полагать, всего НПСР, понимания “Смысла жизни”: “Смысл народной жизни можно сформулировать как непрерывное познание – научное, религиозное, творческое, направленное на раскрытие тайн Мироздания, в котором России Промыслом выделена особая роль, особая миссия, – защищать попорченную справедливость, воплощать в несовершенную земную реальность надмировые идеалы Веры и Любви, милосердия и людского братства”.

Итак. Есть Мироздание. Следовательно, есть и архитектор и строитель Мира, то есть Бог, или Высший Разум. Смысл жизни людей – непрерывно познавать его Творение. При этом выделяется и непрерывное религиозное познание, что, во-первых, означает признание Г.А. Зюгановым вечности существования религии, а во-вторых, им допускается противоречие между этими двумя представлениями: религия есть вера, а вера не требует обоснования, доказательства, собственно познания. Продукт познания – знание, а не вера. Религия и наука по своей **сути** есть исключаящие друг друга противоположности, они, по **сути**, несовместимы.

Бог (“Промысел”) наделил Россию особой ролью, предназначил ей особую миссию. Следовательно, русский народ, согласно Г.А. Зюганову, – богоизбранный народ, призванный воплощать в несовершенную земную “реальность” надмировые, то есть божественные, вечные, абсолютные идеалы (“Веры и Любви, Милосердия и людского братства”).

Таким образом, взгляды Г.А. Зюганова отнюдь не марксистские, более того, по ряду важнейших мировоззренческих представлений, по методу – прямо противоположные: это не материализм, а идеализм в понимании истории; не диалектика, а метафизика; это религиозная идеология, несовместимая с научной идеологией; это утопические, а не научно доказанные положения.

Вместе с тем в мировоззрении Г.А. Зюганова, в целом ненаучном, утопическом, содержится и стремление к народному счастью, к коллективизму и т.д. (при этом он не замечает или не хочет замечать, что народ с необходимостью, закономерно разделяется в классовом обществе на антагонистические классы).

Настроения, представления, традиции, обычаи каких слоев выражает “Большой проект” Г.А. Зюганова?

На наш взгляд, это еще сохраняющиеся в России, особенно, как говорят, “в глубинке” (наиболее отчетливо это видно в казачьих районах) традиции, представления, уклад жизни и т.п. “земледельческой общины”, общинного крестьянства.

“Земледельческой общине” свойствен, как отмечал К. Маркс, дуализм: “...с одной стороны, общая собственность и обусловливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, не совместимое с условиями более древних общин”.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может стать со временем источником разложения¹. Развитие “земледельческой общины”, полагал К. Маркс, в зависимости от исторической среды может в новое время пойти либо по капиталистическому, либо – при существ-

венной поддержке рабочего класса² – по социалистическому пути.

“Россия, – писал К. Маркс В.И. Засулич в 1881 году, – единственная европейская страна, в которой “земледельческая община” сохранилась в национальном масштабе до наших дней³. Ни последующее развитие капитализма в России до октября 1917 года, ни последующее развитие страны по пути социализма вполне преобразовать это общественное устройство не смогли. Более того, привычка крестьян к общинным, к артельным отношениям облегчала им переход к кооперативам, к колхозам и совхозам. Для мировоззрения крестьян, живущих в “земледельческой общине”, характерны, по крайней мере, следующие черты: религиозность; традиционализм, тяга к сохранению традиций и обычаев предков; с одной стороны, общинный коллективизм, артельность, с другой стороны, мелкособственнические устремления. Особо следует подчеркнуть веру крестьян в сильное государство, в “сильную руку” или, часто, в сильного и доброго царя.

Почему образуются такие представления? Существенная черта “земледельческой общины” – “ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, возводит над общинами более или менее централизованный деспотизм⁴”.

Централизованный деспотизм служит охраной, защитой, гарантией безопасного существования “земледельческих общин”, а поэтому их **общим делом**, выполняет общие функции сохранения совокупности “земледельческих общин”.

Внутри “земледельческой общины” классовое расхождение хотя уже и появляется, но оно еще не сформировалось, поэтому ее члены не в состоянии увидеть классовую природу государства. Государство представляется им образованием, выполняющим, главным образом, функцию **защиты от внешнего врага**. Глава же централизованного государства, по аналогии с патриархальной семьей, представляется батюшкой-царем, отцом народа.

В настоящее время сложилась весьма своеобразная ситуация. Страна переживает период капиталистической контрреволюции. К началу капиталистической контрреволюции Коммунистическая партия Советского Союза дискредитировала себя, в значительной степени переродилась, марксизм был догматизирован, формализован.

По своей сути коммунистическая партия должна быть авангардом, прежде всего, рабочего класса, но она оторвалась от рабочего класса.

По своей сути марксизм есть научная идеология, прежде всего, рабочего класса, но марксизм принял такой вид, что произошло отчуждение марксизма от сознания масс рабочих.

И до последнего времени коммунисты своей деятельностью не завоевали авторитет среди широких слоев рабочего класса. До последнего времени и мар-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 19. - С. 404.

² Имелся в виду рабочий класс наиболее развитых капиталистических стран Западной Европы.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 19. - С. 405.

⁴ Там же.

ксизм существует в нашей стране в существенно деформированном виде.

Вместе с тем следует отметить своеобразие рабочего класса периода капиталистической контрреволюции.

С установлением Советской власти и господства общественной собственности (в форме государственной) рабочий класс перестал быть пролетариатом, приобрел существенно новые черты. Пролетариат как класс¹ – рабочий класс капиталистического общества, не имеющий средств производства и вынужденный этим своим положением продавать свою рабочую силу собственникам средств производства.

С гибелью Советской власти и установлением господства частной собственности рабочий класс снова становится пролетариатом. Однако этот процесс в нынешней России еще не завершен, еще не завершено формирование капиталистических производственных отношений, не оформилось и пролетарское сознание **противоположности** коренных интересов рабочего класса коренным интересам класса капиталистов.

Естественно, что и рабочий класс при таких условиях не может выполнять свою передовую, ведущую роль по отношению ко всем трудящимся, – теперь, в период капиталистической контрреволюции, уже можно сказать – ко всей **эксплуатируемой** массе трудящихся России.

Как показывает, в частности, “Манифест НПСР”, на роль ведущей идеологии претендует идеология “земледельческой общины” со свойственной ей двойственностью, которая имеет своей основой двойственность материального производства “земледельческой общины” (с одной стороны, общая, а именно общинная, собственность, а с другой стороны – частная собственность, и обусловленные этим двойственные общественные отношения).

Конечно, при ведущей роли рабочего класса, его авангарда – подлинно Коммунистической партии – и его научной идеологии – подлинного марксизма – возможно и даже необходимо использование коллективистских устремлений, коллективистских сторон уклада жизни “земледельческой общины” и трансформирование, развитие его от уровня общинного до уровня общественного и, в конечном счете, до уровня коллективизма в масштабах человечества.

При выдвигании на первый план идеологии “земледельческой общины” начинает главенствовать тенденция либо консервировать черты, свойственные “земледельческой общине”, либо даже реставрировать “земледельческую общину” (например, настроения среди части казаков), либо опираться не только на коллективистские черты “земледельческой общины”, но и на частнособственнические (здесь происходит смыкание с частнокапиталистическими кругами и их идеологией), либо делать все это в том или ином сочетании и в той или иной пропорции.

В “Манифесте НПСР” Г.А. Зюганова на переднем плане – консервативные и даже реакционные черты идеологии, свойственной “земледельческой общине”: религиозность, национальная ограниченность, представление о государстве как надклассовом образовании и т.п. А лучшие черты этой идеологии, хотя и присутствуют, но где-то на заднем плане и производят впечатление простых деклараций. И не случайно, ибо только в связи с научной идеологией, то есть подлинно марксистской, будучи переосмыслены с позиций этой идеологии, они могут быть разумно истолкованы и послужить действительно прогрессивному развитию России и всего человечества.

1999 г.